

Анатолий Бузулукский

Из сборника: Иллюзия

Не плакал псом в отсутствие людей.
В отсутствие тебя изнемогаю.
От пустоты монашеских ночей
по километрам комнаты шагаю.
Пока тебя внимательно не зрю
и речь твою не чую по молчанью,
из встречных женщин медленно творю
твое подобье, равное страданью.
Тебя по редким вижу адресам
глазами, пережившими разлуку.
Как глубоко становится глазам
и тонко-тонко вспыхнувшему уху!
Ты получаешь письма каждый день.
Бесследно уезжаешь на свиданья.
Уже заводят тени на плетень
о предстоящем бракосочетаньи.
Ты прячешь письма нервно от меня,
уходишь только с третьего порыва
и думаешь до окончанья дня,
что я виновник вашего разрыва.

В грядущий день, когда придут проститься
со мной, умершим будто бы на зло
здоровью, горю, сраму превратиться
в доступный труп, как в снег или стекло,
под книжной полкой, на обжитом месте
я буду бесконечно остывать.
Придешь и ты, любимая до смерти,
узнать, как жил, и в лоб поцеловать.
Тебя смутит в задумчивом почете
передо мной поникшая роля.
Опустишь ты узорчатые очи,
с мучением посмотришь на меня.
Не знаю, что случится от вниманья
с моим лицом: почувдится оно
тебе благообразным, как в сияньи

или под гримом снятое в кино.
Ты выскочешь на ветер, под отвратно
облезлые кленовые тела.
И старость за горами. Безвозвратность
уймет твои насущные дела.
В трамвае людном — словно в нелюдимом
саду — до неприличья горячо
зашепчешь обо мне, как о любимом,
упав на сердобольное плечо.
Потом вернешься к стройным новостройкам,
с балконами — на лес и синеву,
где ты живешь, счастливая настолько,
что я пока старательно живу.

ИМЯ

В скверном сквере над скиснувшим озером с птицей,
за пустым перекрестком, у дикого поля,
друг-защитник меня познакомил с девицей,
что представилась шумно: Пещерская Поля.
Процедила сквозь зубы железные "Здравствуй"
и тяжелым дыханьем в лицо засмердила.
Друг шепнул: "Из числа утешительниц страсти".
Заболоченным взглядом она подтвердила.
Я взгляделся, смеясь: очевидно из бывших
романтичных красавиц, невест посрамленных.
Проживает, в тупом наслаждении спившись,
и тупым наслаждением кормит влюбленных.
Я взгляделся больнее: и к самому уху,
видно, ветер нахлынул, — издревле минувший —
друг тепло задыхал: "Дай отдушину духу.
Выпей за каламбур". Выпил я, захлебнувшись.
Странный ветер вернулся, своим кольханьем
написал красоту посредине застолья:
стала явной невинность и легким дыханьем,
даже имя звучало: Мещерская Оля.

.....